

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА: ДИВНАЯ ПРЕЛЕСТЬ

Нормальный человек в ненормальной стране

Владимир Киргизов

Кушниров М.А. Светлый путь, или Чарли и Спенсер. — М.: Терра-Книжный клуб — Олимп, 1998, 320 с.

ОТДЫХАВШАЯ в Ессентуках Орлова, заскучав от безделья, позволила в последний день уговорить себя на один концерт. Присутствовала вся локальная элита во главе с целым взводом наркомов. Так случилось, что угощение оказалось не на высоте. Нарком пищевой промышленности, повинно склонив лысую голову, обратился к Любови Петровне: «Прошу, в смысле умоляю: приезжайте завтра в Кисловодск с товарищем супругом! Я исправлюсь!»

Нарком действительно устроил буквально валтасаров пир, который простирался вплоть до вагона-ресторана послушно задержавшегося поезда. Орлова в конце концов даже растерялась, а тем временем к Александру неслышно приблизился начальник вокзала и шепотом спросил: «Товарищ Орлов, разрешите отправлять поезд?»

Времена меняются, и гражданский стиль в звездной архитектуре плавно трансформировался в импрессионизм с вкраплением сюрреализма. Художественным творчеством оказалось не только экранное представительство «светлого пути», но и сама жизнь Любови Орловой и Григория Александрова. Автор, уловив тончайшую грань между описанием и комментарием, создал не повествование о легендарном символе эпохи и не трактовку образа «в свете вновь открывшихся обстоятельств» либо сообразно переменам в обществе. Каждый эпизод книги имеет собственную драматургию, это есть своеобразный коллаж, накладывающийся на уже закрепленное в сознании нескольких поколений монументальное полотно и взламывающий академизм представлений. Орлова была единственной в СССР. За границей, как пишет Марк Кушниров, «только три современницы Орловой заставили сердца зрителей трепетать столь же сильно: Франческа Гааль, Мэри Рёкк и Дина Дурбин». Зависти к зарубежным звездам Орлова не испытывала, но «все-таки было одно звездное имя, которое вызывало чисто житейскую — я бы ска-



зал, чисто женскую — неприязнь Любови Петровны. Марлен Дитрих. Тут не было серьезной творческой ревности... тут было именно неприятие, ревнивое неприятие личности. Любовь Петровна чутко улавливала в Марлен Дитрих особую форму, особую, недоступную ей, пробу женского мироощущения, в чем-то унижающего ее как об-

разцовую советскую женщину». Орлова несколько раз встречалась с Дитрих, но потом старалась вырезать или отрезать американку из общих фотографий.

При том, что Любовь Орлова в избытке познала хвалу, при том, что ей нравилось быть обожаемой, несравненной и ослепительной, она легко могла бы укрыться от Дитрих экраном классowego мироощущения не так избирательно, а тотально. Но в определенном смысле Орлова жила в пролетарском государстве в некоем собственном анклавe. Она могла в разгар кампании против абортов выступить в поддержку таковых, могла в асексуальном кинематографе упасть в воду и вылезти в неприлично облепившем фигуру платье. Собственно, она была свободна от параноидального восприятия Вселенной сквозь призму классовой борьбы и в чем-то была единственным нормальным (и при этом не сидящим) индивидом в ненормальной стране 30-х годов. Именно эта нормальность обусловила ее неприязнь к Дитрих.

С Григорием Александровым, добавим, она всю жизнь была на «вы». Едва ли в Стране Советов в то время существовала еще одна

супружеская пара такого рода. Вообще книга полнится подобными штрихами, ранее свидетельствовавшими о том, что «все артисты ненормальные».

Найденная супругами в этом и во многих других смыслах равновесная точка впоследствии, как это ни парадоксально, способствовала закату кинематографической актуальности стиля Александрова и Орловой. В 1934 году Фридрих Эрмлер сказал: «Немного из нас рискнут пойти по тому пути, по которому пошел Александр... У многих из нас не хватит ни умения, ни столько воли, чтобы сделать такие вещи...» Однако один из основных параметров действительности заключается в ее изменчивости, и в конце 50-х годов Геннадий Шпаликов дал во ВГИКе такую оценку «Русскому сувениру»: «Ребята, сегодня нам показали — и хорошо показали, лучше нельзя, — какое кино нам делать не надо. Никогда!» Золотой век кинематографа Александрова и Орловой остался позади.

За много лет до этого знаменитая Фаина Раневская посоветовала театральной актрисе Орловой: «Идите в кино! Это ваше призвание и ваша судьба». Впоследствии Фаина Григорьевна объяснила свое пророчество автору книги: «Вы бы видели ее. От нее исходило такое... такая дивная прелесть, какую мне, уж верьте моему слову, просто не приходилось встречать у других актрис. Ни тогда, ни после».

10.09.98

Orlova Love